

Свой голос обретается не «благодаря», а «вопреки»...

наши
интервью

В ЭТОМ году известному
детскому писателю,
заслуженному деятелю искусств
Татарстана, руководителю Лито
при казанском музее
М. Горького и Ф. Шаляпина,
члену редколлегии
и постоянному автору
«Казанского альманаха»
Борису Вайнеру была
присуждена Республиканская
государственная премия по
литературе им. Г. Державина.
Эта почётная награда не имеет
жанровых ограничений, но, тем
не менее, детский поэт получает
её впервые. Поздравляем
Бориса Григорьевича и
предлагаем вниманию
читателей редакционное
интервью с ним и подборку его
«взрослых» стихов

– Борис Григорьевич, расскажите, пожалуйста, о ваших книгах, удостоенных Державинской премии.

– Обе они детские. Первая – выпущенная Татарским книжным издательством «Негде яблоку упасть!» В ней около полутора сотен стихотворений, в том числе переводы с татарского и английского. А вторая – «Алмазная гора» (издательство «Рухият») – татарские народные сказки в моём переводе, а также моя собственная пьеса-сказка по мотивам татарского волшебного фольклора. Добавлю, что обе они прекрасно оформлены и проиллюстрированы Владой Семёновой и Аидой Ромашовой.

– У вас ведь есть и другие литературные награды?

– Да, премии им. М. Горького и С. Сулеймановой... И «Золотое перо Руси», которое я как детский поэт получил в 2013 году в Москве из рук знаменитого клоуна и дрессировщика Юрия Куклачёва.

– Вы долгое время занимались журналистикой. А как пришли к писательской профессии и именно к детскому направлению? Имелись семейные или биографические предпосылки?

– В моей семье были люди искусства, науки, педагогики. Один из моих прадедов работал тапёром (то есть играл на фортепиано то, что сейчас именуется «звуковой дорожкой») в Польше на первых сеансах немого кино. Но у отца профессия была сугубо практическая – юрист. А мама – доктор; многие жители Бугульмы сегодня – это те или потомки тех, кто появился на свет при содействии моей мамы, в середине прошлого века главного врача городского роддома. В незапамятные времена среди наших предков, возможно, присутствовали духовные лица. А вот писателей, насколько мне известно, не было. Но книги мои родители любили, и библиотека у нас всегда была хорошая.

Мне кажется, наличие в доме такой библиотеки и многочтение – неперенные стартовые условия для будущего литератора. Безо всяких гарантий, разумеется. Надо ещё чтобы ребёнок воспринимал не только содержательную, но и формальную сторону художественного текста. То есть не только «про что», но и – «как». Видимо, у меня такая способность имела. Во всяком случае двойку – абсолютно незаслуженную – мне в третьем классе однажды поставили именно за это. Прочитав моё изложение по русской летописи, педагоги решили, что я «сдул». А мне списывать и в голову не приходило. Просто я сообразил, в каком порядке должны располагаться части предложения при летописном стиле: «Засверкали мечи булатные, полетели стрелы калёные...»; сказуемое – подлежащее – определение, глагол – существительное – прилагательное...

В Бугульме я ничего, кроме изложений, не писал. Это пришло позже, уже в Казани. Сценарии для школьного радио, сочинения на вольную тему... Затем, в старших классах и в первые студенческие годы, под влиянием друга, – стихотворные опыты. Впрочем, не слишком многочисленные, я тогда был скорее артист, нежели автор. Артист в прямом смысле: читал и пел на концертах, играл в спектаклях народного театра ДК медработников, а затем в УТЮГе (Университетском Театре Юмора и Гротеска).

Писать, уже предполагая, что это может стать моей профессией, я стал поздно – около тридцати. И начал, как и многие детские писатели, с юмористических рассказов.

– От взрослого юмора к детской литературе – путь нередкий. Вспомним того же Эдуарда Успенского...

– Тут всё понятно: юмор – обязательная, хотя и далеко не единственная составляющая литературы для детей. У меня, кроме того, имелись и располагавшие к моему выбору частные обстоятельства. Первые свои детские стихи я послал Борису Заходеру, и он вопреки ожиданиям ответил. Стихи были не безнадёжные, но, как у всякого новичка, весьма несовершенные, что он, собственно, в своём заключении и сказал. А затем я попал на семинар молодых детских писателей. Именно на нём у меня в голове наконец «щёлкнуло», то есть я начал понимать, что такое стихи для детей и что в данном случае означает «работать над текстом». Хотя обласкан я там вовсе не был. Руководитель семинара мою манеру письма вообще не принимал. При этом он был хороший, хотя и совсем не похожий на меня поэт; после семинара я, что называется, «пребывал в расстроенных чувствах»: года два не писал вообще. Но затем свойственное мне упрямство, глубоко сидящее нежелание руководствоваться чужой системой ценностей, от кого бы она ни исходила, всё же возобладало...

Вообще, если говорить о творческой стороне дела, то мне никто никогда не покровительствовал. Скорее, наоборот. В этом смысле я входил в литературу (да и делал в ней многое, отстаивая собственный путь, свой голос) не «благодаря», а «вопреки». Что не мешает мне испытывать искреннюю признательность по отношению к симпатизировавшим моим первым опытам старшим коллегам: Юрию Кушаку, Леониду Яхнину, Елене Аксельрод, к редакции мегапопулярного тогда «Огонька», где неожиданно опубликовали мои детские стихи... Московский поэт Игорь Мазнин как-то подсказал мне более точное, чем было у меня в стихотворении, слово, – я благодарен ему и спустя сорок с лишним лет.

Я часто повторяю начинающим: писательство – это «игра в долгую», к тому же почти никогда не обещающая – если речь идёт о высокой, а не о коммерческой литературе – финансового успеха. То есть – область большого личного риска. Может не получиться даже у талантливого автора. Дело слишком многофакторное. В конце концов человек сам должен решить, стоит ли ему этим заниматься. Я когда-то решил, а об остальном судить не мне.

– Какую вашу книгу вы посоветовали бы для первого знакомства новому читателю?

– Например, сборник «О дырках в зонтике и о других важных вещах», выпущенный тем же Таткнигоиздатом в 2016-м. Объясню. Часть своих стихов я уточняю, поправляю бесконечно, сколько бы времени с момента написания ни прошло. У меня есть стихотворные тексты, на авторскую «доводку» каждого из которых ушло лет по пятнадцать-двадцать. А есть и написанные за двадцать минут, и больше я к ним не прикасаюсь, они в этом не нуждаются. И как раз стихи из «О дырках в зонтике...» я почти не правлю.

У поэтов есть традиция включения в новую книгу нескольких произведений из предыдущих; это делается не только «для сюжета» (а в каждом поэтическом сборнике должен быть свой сюжет), но порой и потому, что автор изменил какие-то строки и показывает читателям новый и, как он полагает, лучший вариант.

– А какие стихи наиболее точно представляют вас как детского поэта? Вы можете отобрать такую «дюжину»?

– Почему бы нет? Вот, навскидку: «В океане», «Волк», «Качели», «Школьная эпитафия», «Ёлочный шар», «Каша», «Колыбельная Плюс», «Мокрые стихи», «Ангина», «Случай с привидением», «Бродячий борт», «Когда труба запела»...

Странно говорить о стихах, совсем не цитируя. Приведу один свой характерный текст – не из этого сиюминутного списка.

Что только не случается
В природе, за окном:
То воробьи сражаются
За крошку впятером,

То лужу полноводную
Переплывает мышь,
То петли самолётные
Рисует в небе стриж,

То дедушка на роликах
Летит не дуя в ус,
То падает со столика
В полстолика арбуз,

То тучка, как на жёрдочке,
На веточке сидит...
Вот почему у форточки
Так часто рот открыт!

– А какие тексты наилучшим образом представили бы вас как переводчика?

– С татарского – например, «Художник» Ахмета Адила, «Море» Гульшахиды, «Рубашки ветра» Хайдара Гайнутдинова, «Веретено» Разиля Валеева, «Музыка» Эльмиры Шарифуллиной, «Как сделать море» Накипа Каштанова... Вот стихотворение А. Адила.

Белый лист бумаги
Взял художник в руки.
Белый лист бумаги,
Только и всего.

Кисточку и краски
Вынул он из сумки,
Кисточку и краски,
И больше ничего.

Посидел немножко,
Будто над задачей,
И ушёл тихонько,
И унёс с собой

Улицу с домами
С лужицей в придачу
И кусочек неба –
Самый голубой.

А с английского – «Ипси-Випси» (фольклорное), «Другая карта» Мэри Уилкинс Фримен, «Что любят осы?» Дороти Алдис, «Минни и Винни» Альфреда Теннисона, «Давным-давно» Юджина Филда, «Дудочник» Мари Ван Ворст... Вот короткое стихотворение вне списка (оно детское, но читатель заметит переключку со знаменитым тютчевским «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...») английской поэтессы рубежа XIX–XX веков Мод Кири:

Словечко, что однажды ты сказал,
Уже плывёт, оставив твой причал,
Точь-в-точь бутылка по морским волнам,
И где пристанет – неизвестно нам.

– *Говорят, что у каждого детского писателя два возраста: тот, в каком он сам находится, и тот, от которого он пишет. Сколько вам лет в этом втором смысле?*

– Думаю, моему внутреннему ребёнку лет девять-десять. Я очень хорошо себя помню в этом возрасте, ещё до переезда из Бугульмы в Казань.

– *А на какой возраст вы пишете? Кто адресат ваших стихов и прозы?*

– Преимущественно на младший школьный. Но в то же время у меня есть стихи и для дошколят, и для тинэйджеров. А совсем недавно я закончил подростковую повесть-фэнтези.

– *Проза у вас только сказочная?*

– Для детей – почти исключительно сказочная. Но сказки эти очень разные: юмористические, романтические, лирические (практически стихи в прозе), бытовые, отчётливо городские и подчёркнуто деревенские, философские... И по жанрам: современная сказка; фольклорная небывальщина (цикл «Нинзя из Самураевки»); рассказы о вещах; так называемая «ненаучная фантастика»; собственно фэнтезийные сюжеты...

– *Для ребят можно писать на любую тему?*

– Полагаю, да. Но смотря как. Много зависит от возраста будущего читателя. Чем он младше, тем более щадящего подхода требует. О самых маленьких мы сейчас не говорим, здесь тяжёлых тем вообще не надо. А вот ребёнка постарше, я полагаю, нужно готовить к тому, что в мире существует не только радость. Он и сам, разумеется, к определённом возрасту начинает об этом догадываться, поскольку уже видел, например, погибших птичек, или слышал угрозы, или был свидетелем драки. И если он не находит в литературе толкового отражения и объяснения этих его новых впечатлений, то перестаёт к ней обращаться за советом.

– *У вас есть такие «упреждающие» стихи?*

– Конечно. «В океане», «Песенка о зонтике», «Улыбка» и другие. Все они на школьный возраст. Задача поэта здесь – написать так, чтобы не пугать и не наводить тоску на юного читателя. Угадать приём, выбрать слова, интонацию, использовать юмор, найти в страшном смешное, в грустном – спокойное или медитативное... У меня есть маленькое стихотворение «Звёзды и люди»: «Наверно, звёзды тоже // Глядят с небес на нас: // – Ещё один зажётся! // – Ещё один погас...» Оно на печальную тему, но ни в малейшей мере не пугающее. Просто задумчивое. Есть стихи о предположительно недобрых существах: привидениях, колдунах. Но эти строки или сугубо лирические, или, наоборот, «прикольные» – что-то вроде прививки от будущих страхов.

– *В каком состоянии, на ваш взгляд, находится сегодня российская детская поэзия?*

– Если говорить о лучших текстах, то в очень хорошем. У нас множество отличных авторов. Меня как-то попросили составить их список, имея в виду наличие у поэта хотя бы одного стихотворения, достойного занять место в антологии

русской детской поэзии 20-го и начала 21 веков. Получилось далеко за сто имён, и это, разумеется, не все, хотя детские поэты «встречаются в природе» на два порядка реже, чем взрослые. Иное дело что многих читатель знает плохо или вовсе не знает. Но это уже вопрос издательской политики и популяризации.

С другой стороны – если брать весь корпус стихов для ребят – наша детская поэзия сейчас слишком оберегающая, мягкая, часто на грани или за гранью «сю-сюреализма» (по хлётскому определению известного пародиста). Это вечная проблема. Саша Чёрный когда-то посвятил авторам подобных виршей знаменитое стихотворение с говорящим названием «Сиропчик». Мне кажется, в основном под подобные тексты, под «мамочкины» стихи, и заточена в наши дни основная масса детских издательств, радио- и телепередач, журналов. Мужского голоса не хватает. Разумеется, я говорю не о гендерной принадлежности сочинителя – «мужские» стихи может писать женщина, и наоборот – а об общем подходе, об интонации, о смысловом послыле.

И ещё одно важное соображение. Эмоциональные смыслы, заложенные в стихотворных строчках, могут быть и простыми, и достаточно сложными. Так сказать, первого и второго порядка. Вот этим последним найти выход на страницы популярных журналов и многотиражных книг, опять-таки в силу консерватизма общественных установок и издательской политики, трудно. Ситуация неправильная, потому что дети меняются. Шестилетний и десятилетний ребёнок – во многом разные, порой даже полярные люди. Второй из них уже знает простые смыслы. Ему с такого рода текстами скучно, ему нужны более сложные читательские задачи, более глубокое восприятие и толкование жизни, иначе его развитие застынет.

Маленький пример. «Уронили мишку на пол...» Агнии Барто – из смыслов первого порядка, похвала дружбе. А вот не менее замечательное и тоже давнее четверостишие Олега Григорьева: «Вдоль реки бежал Аким – // Был Аким совсем сухим // Побежал он поперёк – // Весь до ниточки промок». О чём эти почти чащущие с виду стихи? Это метафора сложно устроенной жизни, где человека, идущего «поперёк», – например, педагога-новатора или учёного, открытие которого противоречит устоявшимся в науке понятиям, ждут большие трудности. Это явно из смыслов второго порядка.

– Вы ведь пишете ещё пьесы и песни? Все они для детей?

– Не совсем так. Пьесы – а они шли и продолжают идти в театрах России и ближнего зарубежья – все действительно для ребят. Последние по времени постановки – в Оренбурге («Алмазная гора» по татарскому волшебному фольклору) и в Дзержинске («Цветик-семицветик», ремейк катаевской сказки). А вот песен у меня больше взрослых (хотя детских тоже достаточно). У значительной их части и музыка моя, а остальные написаны в сотрудничестве с композиторами. Кстати, у меня есть и песни с моей музыкой, но на чужие стихи. Стили при этом самые разные: бардовская песня, романс, джаз, рок, фолк, кантри...

– У вас имеются и стихи для взрослых... Сказывается ли на вашей взрослой поэзии то обстоятельство, что вы преимущественно автор детский?

– В прошлом году в издательстве «Плутон» вышла моя взрослая книга «Прямо в небеса» – это лирика, иронические стихи и тексты песен из разряда бардовских. И две автобиографические повести. Что касается второй части вопроса, то, конечно, сказывается. Не случайно у меня, как правило, простая манера письма. И время от времени сами собой возникают тексты «между взрослым и детским». Есть

стихи, которые я могу включить и в книгу для моих старших (10–12) читателей, и в книгу для их родителей. Например, «Ёлочный шар» или «Разбойничья считалка». А вот тоже в своём роде «пограничное» – взрослое, но о детстве. «Воспоминание о качелях» называется (см. стр. 47 – прим. ред.).

– *Вы руководите литературным объединением при казанском музее М. Горького и Ф. Шаляпина. Появляются ли новые таланты, и в частности детские авторы?*

– ЛитО наше одно из старейших в России. В этом смысле наш музей учреждение уникальное, мало при каком музее так много лет существует объединение литераторов. Долгие годы ЛитО руководил поэт Марк Зарецкий, и когда-то я, как и многие, был его студийцем.

Таланты никуда не делись. А мы, со своей стороны, делаем всё от нас зависящее, чтобы способный поэт или прозаик нашёл себя, приобрёл опыт и мастерство, реализовался. Анализируем тексты – «разбор полётов» для неопита штука очень полезная, организуем публикации, иницилируем литературные конкурсы. В этом году совместно с ЛитО им. Гарифа Ахунова провели три конкурса переводов татарской поэзии. Многие студийцы уже публиковались в журналах, выпустили книги, стали членами профессиональных творческих союзов. И, конечно, среди них есть те, кто пишет для детей.

– *Что нужно сделать, чтобы детская литература в Казани и Татарстане развивалась более активно?*

– У нас не хватает центров, способных консолидировать усилия профессионалов, работающих для детей. То есть для них здесь нет точки приложения сил. Поэтому многие уезжают. Детское издательство, детская филармония, современная студия анимации, детский альманах на русском языке (где, естественно, печатались бы и переводы с татарского) могли бы стать такими центрами. Я немало лет издавал в Казани журналы для детей – «Барабашка», «Зонтик», альманах «Будильник» – и как только принимался за первый номер, вокруг немедленно начинали собираться авторы – и взрослые, и маленькие... Все, кто пишет, переводит, рисует, сочиняет песни (в журнале публиковались и ноты) для ребят. Я понимаю, ситуация сейчас сложная. И всё-таки – почему бы не возобновить эту хорошую традицию?

